

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

UNIVERSITY

OF THE STATE OF NEW YORK

IN SENATE

JANUARY 18, 1881

REPORT

OF THE

COMMISSIONERS OF THE LAND OFFICE

IN RESPONSE TO A RESOLUTION

PASSED BY THE SENATE

APRIL 18, 1880

AND BY THE ASSEMBLY

APRIL 18, 1880

AND BY THE SENATE

APRIL 18, 1880

AND BY THE ASSEMBLY

APRIL 18, 1880

AND BY THE SENATE

APRIL 18, 1880

AND BY THE ASSEMBLY

APRIL 18, 1880

AND BY THE SENATE

APRIL 18, 1880

AND BY THE ASSEMBLY

APRIL 18, 1880

ИТОГИ БОЕВОГО СНАБЖЕНИЯ РУССКОЙ АРМИИ.

Россия, как и союзные с нею государства, начала мировую войну, не предвидя ее колоссального масштаба.

Даже в первые месяцы войны казалось невероятным, что она может принять затяжной характер и что расход предметов боевого снабжения, в особенности огнестрельных припасов, достигнет таких прямо чудовищных размеров.

Казалось обратное, что именно вследствие огромных затрат, вызываемых войной во всех ресурсах, должно быстро наступить истощение воюющих стран, которое повлечет за собою полное прекращение активности.

Так думали не одни военные.

Многие экономисты, когда началась мировая война предсказывали, что она «должна будет прекратиться сама собой через несколько месяцев в результате народно-хозяйственной разрухи» *. Предсказание это не оправдалось, так как народное хозяйство воюющих стран оказалось более живучим, чем предполагали. Только под непрерывными тяжелыми ударами небывалой четырехлетней войны распались устои и стало разваливаться народное хозяйство Западно-европейских стран. Мировая война, по своим последствиям одна из самых ужаснейших в истории, в конечном результате опустошила Европу и разрушила мировое хозяйство.

Русская армия предполагала вести войну в расчете только на заготовленные в мирное время запасы.

Никакого предварительно разработанного плана и подготовки к систематическому пополнению расхода этих запасов не было. Такого плана не было составлено и во время войны, по крайней мере до второй половины 1916 г.

Запасов боевого снабжения, заготовленных в мирное время по весьма ограниченной норме, хватило лишь на первые 4 месяца войны. Между тем, война сразу же выявила доминирующее значение артиллерии. Для успешного ведения боевых операций потребовался громадный расход огнестрельных припасов. Потребовалось огромное количество оружия и других предметов боевого снабжения.

---

* М. Павлович, Итоги мировой войны, 1924 г., стр. 159.

Пришлось спешно, уже на третьем месяце войны, прибегнуть к импровизированной мобилизации русской казенной и частной промышленности, чтобы готовить эти предметы.

Предстала неотложность решения двух последовательно одна из другой вытекающих задач: 1) сначала добиться, во что бы то ни стало, работы на оборону государства возможно большего числа предприятий как казенных, так и частных; 2) во время войны неустанно расширять производство и увеличивать выход предметов боевого снабжения.

Задачи эти оказались крайне тяжелыми ввиду неподготовленности царской России к длительной войне и слабого развития казенной и частной русской промышленности, вырабатывающей предметы обороны. Задачи эти осложнялись еще невозможностью для ГАУ определить общую потребность армии в предметах боевого снабжения, подлежащих заготовлению.

Определению действительной потребности войск в предметах боевого снабжения много мешало то обстоятельство, что как Ставка главнокомандующего, так и сами войска, испытав и пережив весь ужас недостатка боевого снабжения в первый же период войны, усвоили в дальнейшем привычку предъявлять тылу свои требования не иначе как с огромным «запросом», т.-е. с явным преувеличением своих действительных нужд и с явным же преуменьшением своего наличного состояния вооружения. При этом совершенно утаивалось все то, что попадалось нашим войскам в плен и оказывалось пригодным для дальнейшей службы (винтовки, пулеметы, патроны к ним, траншейные и полевые орудия с комплектами), так что в некоторых частях имелось, например, австрийских пулеметов больше, чем своих штатных. А кроме того, при всяком удобном случае фиктивно выводились в расход (яко бы выбывшими по неисправности, израсходованными или утраченными в боях) предметы боевого снабжения, на самом деле оставшиеся в части. Требуемые в таких случаях законом «инспекторские свидетельства» получались с легкостью поразительной, несмотря на ряд приказаний к более осмотрительной и строгой выдаче их.

Психологически все это было, конечно, вполне понятно, так как войска по опыту знали, что, преуменьшая наличность своего боевого имущества и преувеличивая действительную потребность в нем, они могли рассчитывать на большую долю при разверстке всего имеющегося, которого на всех несомненно не хватит. Но они не понимали того, что этот «маленький секрет» скоро стал общим достоянием, а потому и применение его уже практических результатов не приносило. А между тем система таких заведомо преувеличенных требований создавала для тыла условия работы в высшей степени неблагоприятные. И без того было тяжело ГАУ от сознания своего бессилия снабдить армию всем действительно необходимым, хотя бы в самом минимальном размере, а тут как из рога изобилия сыпались требования не только явно преувеличенные, но иногда просто ни с чем несообразные. Эта психология была ясна непосредственным работникам по снабжению, уже ознакомившимся с положением дел

на фронте, но у широких кругов общества, чутко относившихся ко всему происходившему в действующей армии и свято верившим каждому слову оттуда исходившему, создавалось впечатление о положении там даже в более мрачном виде, чем оно было на самом деле. Процент удовлетворения истинных боевых потребностей фронта при этом искусственно понижался, что также способствовало более пессимистическому представлению о деле снабжения и без того хромавшем на все ноги. Все это вместе взятое неизбежно вызывало нарекания на довольствующие органы в степени большей, чем следовало бы для целесообразного их «подстегивания», так как нападки эти вызывались неудовлетворением требований, не редко не только неосуществимых, но в известной части и явно не вызываемых действительной нуждой. В результате отгульные и подчас мало обоснованные обвинения ГАУ притом чуть ли не в измене — с одной стороны, и дошедшая до последних пределов нервность — с другой, что создавало такую атмосферу взаимного недоверия, даже озлобления, работать в которой было просто невыносимо.

Всего этого в первые два года войны не хотели понимать в Ставке, где твердо укоренилось правило: все неудачи фронтов валить исключительно на недостатки снабжения, с целью отвлечь внимание от других грехов командования, не менее, если в некоторых случаях не более, бывших причинами этих неудач. И так как эта цель достигалась тем лучше, чем резче был контраст между количествами требуемого и предоставляемого, а кроме того, и сам по себе никакой избыток снабжения не лишний на войне, то из Ставки «заламывались» иногда такие нормы снабжения, что выполнять их в назначенные сроки не представлялось положительно никакой возможности и притом не только для нас одних, но и при помощи всех бывших союзников России.

Вообще неустойчивость заявлявшихся с фронта требований сильно затрудняла и без того до крайности трудное дело снабжения, так как у руководивших этим делом никогда не было уверенности в том, что предъявленное требование — окончательное и что оно выражает действительную нужду фронта.

Не говоря уже о том, что все излишние запросы по части боевого снабжения, какие предъявлялись тылу из Ставки, особенно в первые два года войны, наносили большой ущерб для народного хозяйства страны вообще. Выкачивать из совершенно истощенного войной народного хозяйства без крайней нужды лишние десятки миллионов пудов металла и топлива, отрывать лишние десятки тысяч рабочих рук и т. д. — было политикой прямо преступной.

Неустойчивость и некоторое преувеличение в требованиях предметов боевого снабжения продолжалось и в 1916 г. при наличии в Ставке специального артиллерийского органа — Управления полевого генерал-инспектора артиллерии (Упарт), особенно в первое время его существования — до лета 1916 г., пока Упартом были разработаны нормы снабжения, проверена правильность норм на практике снабжения и установлен был контроль над требованиями фронтов.

Таким образом, потребность действующих армий в предметах боевого снабжения вылилась в окончательную, т.е. вполне определенную форму — по количеству и по роду предметов, а также по срокам подачи их в армию, далеко не сразу. Это удалось исполнить Упарту в полной мере лишь к 1917 г. — к приезду в Петроград Междусоюзнической конференции.

К приезду Конференции союзников Упартом были приведены в ясность все наши разновременные и часто менявшиеся требования в предметах боевого снабжения, причем окончательно были установлены определенные нормы.

Благодаря тем обстоятельным данным, какие были представлены Конференции полевым генерал-инспектором артиллерии, с уверенностью можно было сказать, что главной причиной бедствий русской армии в первые месяцы войны являлся не столько недостаток боевого снабжения, сколько полная дезорганизация и беспорядок в этом деле, вследствие чего имевшееся в действительности снабжение не попадало туда, куда следовало. Были, конечно, и другие не менее важные причины — как оперативно-стратегического порядка, так и неумелое использование артиллерии старшими начальниками.

Бывшие «союзники» России оказывали ей помощь, далеко не окупавшуюся теми потоками русской крови, какая проливалась на полях сражений ради их империалистических стремлений, тем разорением русской страны, к какому ее привела война, и теми потоками русского золота, какие утекли за границу в уплату по заказам боевого снабжения.

О размере помощи, оказанной нам бывшими «союзниками», можно судить по данным прилагаемых таблиц 20 и 21 (см. приложения 17 и 18), заимствованных из материалов Упарта *. При этом следует учитывать только те из числа заказанных или уступленных предметов, какие прибыли в Россию и находились в пути (6 и 8 графы таблицы). Из данных таблиц можно видеть, что лишь несколько заказов за границей исполнено на 100% и то на второстепенные предметы (58-мм минометы из Франции, японские винтовки Арисака), большинство заказов выполнено от 10% до 40%; 3-лин. винтовок доставлено около 5%, а патронов к ним лишь около 1%, многие заказы вовсе не исполнены. Из числа уступленных нам предметов боевого снабжения прибыло в Россию далеко не все обещанное, а из прибывших некоторые предметы были устаревших образцов или не совсем исправные. Если же сравнить цифры общего количества однородных предметов, изготовленных в России и полученных из заграницы, то помощь союзников по отношению винтовок составит около 30%, патронов к ним менее 1%, орудий разных калибров 23%,

---

* В.-И. А. Дело Упарта „Доклады“ связка 1482, листы 83—87. Данные таблиц относятся к 18 января 1917 г.; в 1917 г. получались из заграницы предметы, сверх указанных в таблицах; особенно много получено было в 1917 году ружей-пулеметов и пулеметов.

выстрелов к ним около 20% и т. д., и только разных систем пулеметов, особенно ружей-пулеметов, доставили нам много союзники в 1917 г. (в общем из заграницы получено их было около 130% по отношению к изготовленным в России).

За три года войны Россия выдала заказов только одной Америке на сумму около 1 287 000 000 долларов.

Главную массу, до 70%, составляли артиллерийские заказы; по этим заказам Россия влила в американский рынок почти 1 800 000 000 золотых рублей и притом без достаточно положительных для себя результатов. Главным образом за счет нашего русского золота выросла в Америке военная промышленность громадного масштаба, тогда как до мировой войны американская военная индустрия была лишь в зачаточном состоянии.

За время войны усилиями заказчиков, и в первую очередь Россией, американской промышленности привит был ценный опыт в военных производствах и путем безвозмездного инструктажа со стороны русских инженеров создан в Америке богатый кадр опытных специалистов по разным отраслям артиллерийской техники *.

Теперь уже должно стать ясным, что для дела государственной обороны нельзя урезывать кредиты на развитие своей военной и гражданской индустрии и на ее мобилизационную подготовку. «Контролирующие ведомства» царской России, урезывая кредиты на развитие русской военной промышленности, экономили народное золото для иностранцев. Если бы хоть небольшая доля той огромной суммы русского золота, которая уплыла на заграничные военные заказы во время войны, была планомерно затрачена в течение ряда лет до войны на создание в России военных заводов и на мобилизационную подготовку русской промышленности, то, быть может, России не пришлось бы претерпевать тех неисчислимых бедствий, какие принесла ей мировая война.

Теперь стало бесспорным, что в плановые расчеты боевого снабжения армии во время войны не должны входить заграничные заказы; заграничный рынок может быть использован лишь для усиления снабжения при заблаговременной подготовке к войне.

Потребности действующей армии в боевом снабжении удовлетворялись не заграничными заказами, а главным образом своими русскими казенными заводами и частными мобилизованными предприятиями, которые, несмотря на свою полную неподготовленность к войне и на все прочие чрезвычайные затруднения, все же в течение войны в 1914—1916 гг. широко развили свою производительность и выполнили колоссальнейшую работу по изготовлению предметов артиллерийского снабжения.

Возможно привести следующую сравнительную оценку производства русской промышленности по изготовлению главнейших предметов боевого снабжения армии.

---

* Редфордт, Контроль качества, перев. с англ. Н. И. Жуковского, изд. 1926 г.

О Р У Д И Я.

3-дм. (76-мм) пушки. За сентябрь 1916 г. было изготовлено в 25 раз больше, чем ежемесячный выход в последние месяцы 1914 г. и в 8 раз больше, чем в январе 1915 г.

С июля 1915 г. установлено было исправление расстрелявшихся 76-мм пушек вставкой новых стволов; причем в июле 1915 г. это новое производство дало возможность заменить тела орудий одного дивизиона, а в сентябре 1916 г. были сменены неисправные орудия в 14 дивизионах.

42-лин. (107-мм) пушки. Производство этих орудий за 25 месяцев войны в 2 раза превосходило число орудий, имевшихся на фронтах в начале военных действий *.

48-лин. (122-мм) гаубицы. В сентябре 1916 г. выпущено в 4 раза больше, нежели месячное производство в начале 1915 г. и в 7 раз больше месячного выхода последних месяцев 1914 г.

6-дм. (152-мм) гаубицы. В августе 1916 г. было выпущено новых орудий в 3 раза более, чем месячный выход конца 1914 г.

Бомбометы начали вводиться на фронтах с начала осени 1915 г., а уже в феврале и марте 1916 г. месячное производство таковых в 21 раз превысило общее количество посланных в армию в августе 1915 г.

Минометы введены были с 1915 г.; ежемесячное производство их в октябре 1916 г. равнялось общему количеству, находившемуся в конце осени 1915 г. на фронтах.

С Н А Р Я Д Ы.

76-мм калибра. Производство за последние месяцы 1916 г. в 7 раз слишком превышало ежемесячный выход в декабре 1915 г.

107-мм снаряды. Ежемесячно в 1916 г. вырабатывалось в 18 раз больше, чем в декабре 1915 г.

122-мм бомбы и шрапнели. Ежемесячное производство в 1916 г. увеличилось в 6 раз против количества, изготавливавшегося в начале 1915 г.

152-мм гаубичные и пушечные снаряды. Производилось в последние месяцы 1916 г. в 14 раз больше, чем в январе 1915 г.

Бомбометные снаряды. Стали изготавливаться с августа 1915 г.; производство их уже в июне 1916 г. возросло в 40 раз по сравнению с 1915 г.

Мины, введенные для траншейной борьбы в 1915 г., изготавливались в 1916 г. в количестве в 20 раз больше, нежели в 1915 г.

Ручные гранаты, совершенно не имевшие места в вооружении войск в начале войны, применялись в 1916 г. в громадных количествах и снабжение ими армий в период боев начала лета 1916 г. в 300 раз превысило месячное производство августа 1915 г.

---

* Скорострельных 42-лин. пушек русские заводы до 1916 г. вовсе не подавали; подача началась в 1916 году и к началу 1917 г. ежемесячная средняя подача выросла почти в 20 раз по сравнению с первоначальной.

Ручное оружие.

Винтовки, благодаря основному требованию взаимозаменяемости частей, представляют собой оружие, требующее чрезвычайно точной и тщательной выработки частей. Поэтому производство винтовок весьма трудно и медленно налаживалось.

При этом следует припомнить весьма отрицательные последствия довоенного сокращения производства оружейных заводов, почти прекративших выделку винтовок в первой половине 1914 г.

Общий выход винтовок осенью 1916 г. в 4 680 раз превосходил выход за июль 1914 г. и в 2½ раза нормальную месячную производительность оружейных заводов.

Пулеметы. Несколько меньшие, но все же очень значительные затруднения пришлось преодолеть Н-скому оружейному заводу, в особенности в отношении оборудования, для удовлетворения все возрастающей потребности армии в пулеметах.

И если Англия, при ее колоссальном развитии механической промышленности, могла увеличить производство пулеметов в 14 раз, то наш оружейный завод превзошел это соотношение, дав в сентябре 1916 г. выход, превышающий в 37 раз число пулеметов, изготовленных им в июле 1914 г.

Винтовочные и пулеметные патроны.

Осенью 1916 г. ежемесячный выход 3-лин. патронов возрос в 2,4 раза против месячной производительности заводов в начале войны.

Заводы взрывчатых веществ.

Особенно интенсивное развитие во время войны получили наши химические заводы военного назначения и главным образом заводы взрывчатых веществ.

Ввиду громадной и непрерывной потребности в взрывчатых веществах и связанной с нею нужды в реактивах, были созданы новые обширные заводы серной и азотной кислоты, для обеспечения производительности коих были произведены изыскания месторождений колчеданов и пр. и, наконец, урегулировано все кислотное хозяйство России.

Месячное производство взрывчатых веществ в конце 1916 г. покрывало производство февраля 1915 г. в 40—60 раз; причем накопившимися запасами исходных продуктов обеспечивалась производительность заводов на 5-месячный срок.

Заводы удушающих средств.

Возникли в течение войны и получили к концу 1916 г. настолько широкое развитие, что давали возможность в значительной мере удовлетворять потребность армии в удушающих средствах для газовых атак.

Следует отметить, что, несмотря на все крайне неблагоприятные условия неподготовленности России к войне и несмотря на непомерно тяжелые во всех отношениях годы войны, русская техника и инженерные силы показали себя «твердо стоящими на почве реальной действительности». И нужно согласиться с профессором В. И. Гриневецким, что «бес-

Т А Б Л

Сведения о состоянии вооружения русской армии

№№ по порядку	Наименование предметов	Состояло к началу войны	Поступило во время войны		
			С начала войны до 1 января 1915 г.	В 1915 г.	В 1916 г.
1	3-дм. полевая пушка	6 672	235	1 715	6 088
2	3-дм. горная пушка	440	50	305	581
3	42-лн. скорострельная пушка и обр. 1877 г.	80	—	12	190
4	45 и 48-лн. гаубица	538	70	361	1 129
5	6-дм. гаубица	173	—	60	154
6	6-дм. осадн. пушка Шнейдера	—	1	12	20
7	8-дм. и 20-см гаубица	—	—	5	29
8	11-дм. гаубица	—	—	12	6
9	12-дм. гаубица	—	—	2	37
10	Бомбометы	—	—	2 004	11 127
11	Минометы	—	—	1 284	1 918
Выстрелы для:					
12	3-дм. полевых пушек	5 774 780	470 522	10 446 064	25 591 832
13	3-дм. горных пушек	657 825	145 700	783 750	939 340
14	42-лн. пушек	22 344	39 264	213 838	682 904
15	45 и 48-лн. гаубиц	449 477	94 336	728 973	3 159 275
16	120-мм пушек	—	—	—	10 200
17	6-дм. гаубиц	99 910	31 345	362 960	931 338
18	8-дм. гаубиц	—	—	—	44 000
19	11-дм. гаубиц	—	—	—	7 738
20	12-дм. гаубиц	—	—	—	3 865
21	6-дм. в 120 и 190 пудов	—	—	—	69 211
22	6-дм. в 200 пудов	—	—	—	21 439
23	6-дм. пушек Канэ	—	—	—	15 675
24	Бомбометов	—	—	993 285	6 885 376
25	Минометов	—	—	26 948	540 466
26	Ручные гранаты	Были только в крепостях	312 000	3 393 671	26 704 748
27	Винтовки всех систем, кроме Бердана и австр.		273 639	1 274 337	2 374 581
28	Пулеметы	4 157	903	5 281	24 523
29	Винтовочные патроны	2 315 500 500	392 161 000	1 158 581 290	2 093 396 770

* Только 42-лин. скорострельные пушки.

** В том числе 42-лин. скоростр. пушек 108, остальные старые 42-лин. пушки обр. 1877 г.

*** Только 42-лин. скоростр. пушек обр. 1910 г.

И Ц А 19.

к началу мировой войны и к 1 января 1917 г.

Всего поступило на воору- жение 1914—1916 гг.	Состояло к 1917 году		Израсходовано во время войны 1914—1916 гг.
	На фронте	В складах внутри России	
14 710	6 385	505	7 820
1 376	670	22	684
282 *	365 **	30 **	174 ***
2 098	1 074	299	725
387	351	17	19
33	18	—	15
34	29	—	5
18	16	—	2
39	27	—	12
13 131	6 338	3 375	3 418
3 202	1 122	600	1 480
42 283 198	11 646 000	4 545 000	28 613 813
2 526 615		5 000	
958 350	300 000	50 000	608 350
4 432 061	646 000	190 000	3 596 061
10 200	—	—	10 200
1 425 553	190 000	50 000	1 185 553
44 000	—	4 950	39 050
7 738	4 571	1 500	1 667
3 865	—	1 600	2 265
69 211	—	—	69 211
21 439	—	—	21 439
15 675	—	—	15 675
7 878 661	2 425 417	540 000	4 913 244
567 414	221 854	21 000	324 560
30 410 419	—	—	30 410 419
8 546 557	2 962 000	70 916	5 513 641
34 864	14 980	642	19 242
5 959 639 560	1 164 000 000	646 896 440	4 148 743 120

пристрастный историк будет вынужден впоследствии признать, что в общем и целом русская техника справилась с положением и сделала значительно шире и значительно скорее то необходимое, чего имела право требовать от нее оборона страны» *.

Развитие русской промышленности по изготовлению предметов боевого снабжения армии представлялось бы удовлетворительным, если бы масштаб наших военных операций, протяжение фронтов и численность армий были бы во много раз меньшими, чем оказались в действительности.

Но в силу последнего, а также ввиду необходимости образовать соответственные запасы на непредвиденные случайности, потребности нашей армии оставались в громадной степени неудовлетворительными, в особенности в отношении артиллерии крупных калибров.

Многое еще нужно было сделать. Для возможности удовлетворения важнейшего — боевого снабжения требовалось, в первую очередь, использовать неисчерпаемые ресурсы страны в отношении сырьевых материалов; но для этого Россия слишком была бедна оборудованием (станками, машинами и пр.), а также крайне необходимыми материалами (как, например, высокие сорта стали, алюминий, цинк, олово и пр.) **.

Производство предметов боевого снабжения в России достигло в 1916 г. своего кульминационного развития, но в том же году, резко обозначилось неизбежное падение производства, грозящее катастрофой.

Долгом союзных государств царской России, во имя общей идеи доведения войны до «победного конца», было восполнить в потребной мере все наши недостатки, происходящие от слабого развития нашей промышленности, и обеспечить нам возможность продолжения войны.

Под этим предлогом и состоялась в начале 1917 г. в Петрограде Конференция «союзников», считавших наши требования чрезмерными.

Недоумения союзников, признававших свои весьма широкие масштабы боевого снабжения, должны были рассеяться, когда на Конференции им раскрыта была скромная картина состояния вооружения русской армии к январю 1917 г., указанная в приводимой таблице 19 ***.

Состояние нашего вооружения не внушало особых тревог русскому командованию на ближайшее время, особенно при условии, что союзники выполнят в начале 1917 г. обязательства по снабжению нас тяжелой артиллерией, которые они приняли на себя еще до созыва Конференции. Но нас беспокоила возможность затяжки войны на 1918 и последующие годы и особенно тревожила крайне обострившая внутренняя разруха в государственном управлении и в народном хозяйстве, о которой мы, естественно, не заявляли открыто союзникам на Конференции.

* Проф. В. И. Гриневецкий, „Послевоенные перспективы русской промышленности“, 1919 г., стр. 35.

** „Краткий обзор деятельности ГАУ в 1914—1916 гг.“, из личного архива Маниковского.

*** В этой же таблице показан расход предметов боевого снабжения за время войны 1914—1916 гг.

Если же сравнить наше вооружение к 1917 г. с вооружением наших бывших союзников и врагов, то, как видно из находившихся на рассмотрении Конференции приводимых ниже 6 диаграмм, мы оказывались относительно гораздо слабее и союзников и врагов.

ДИАГРАММА 1.
ЧИСЛО ЛЕГКИХ ПУШЕК НА 1 000 ШТЫКОВ.

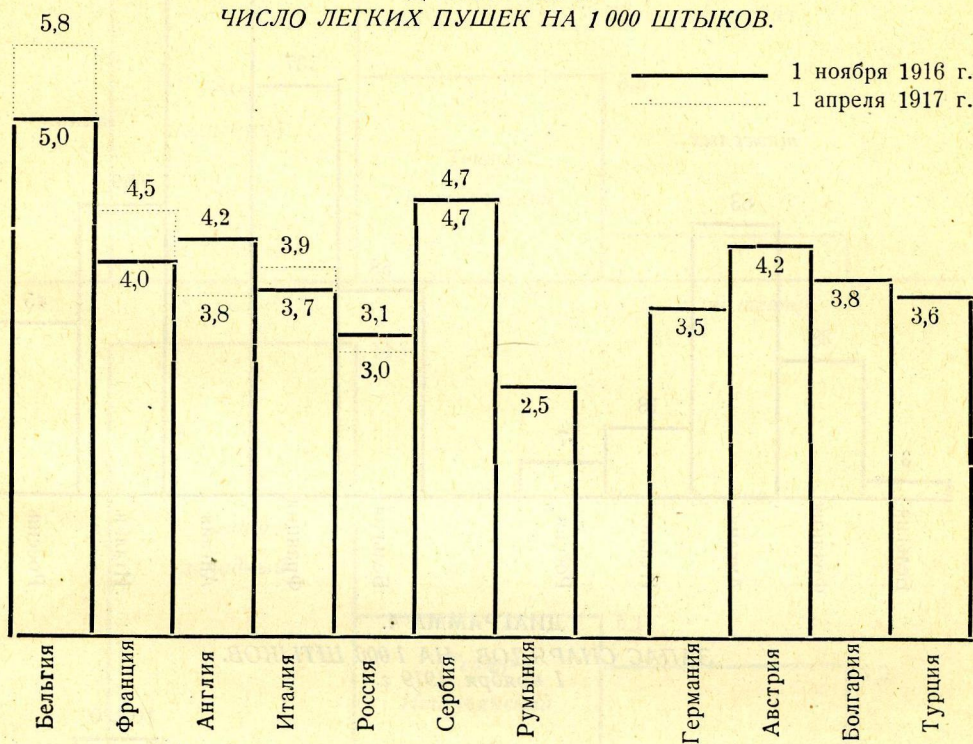

ДИАГРАММА 2.
ЧИСЛО ТЯЖЕЛЫХ ОРУДИЙ НА 1 000 ШТЫКОВ.

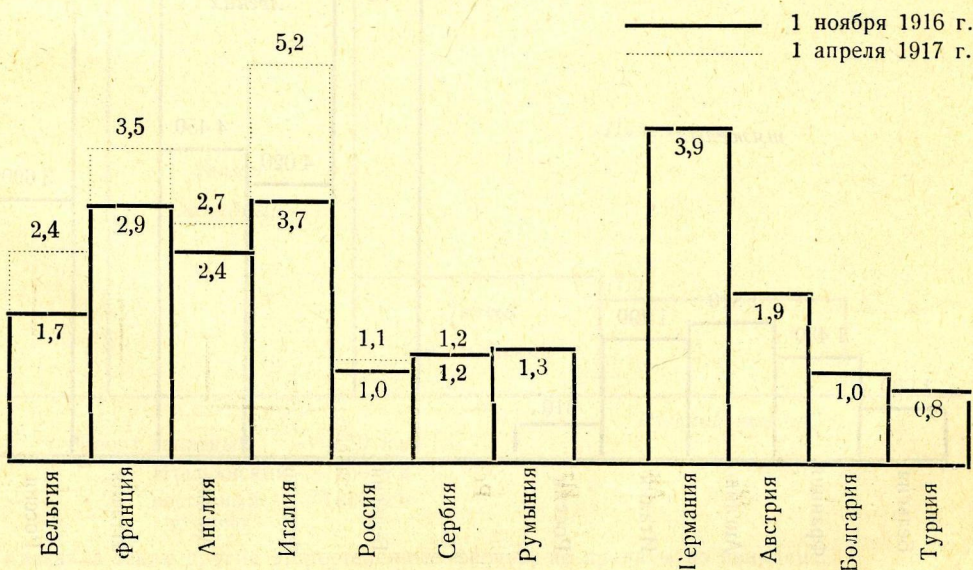

ДИАГРАММА 3.

ЧИСЛО СНАРЯДОВ, ЕЖЕДНЕВНО ИЗГОТОВЛЯЕМЫХ, НА 1 000 ШТЫКОВ.
В ноябре 1916 г.

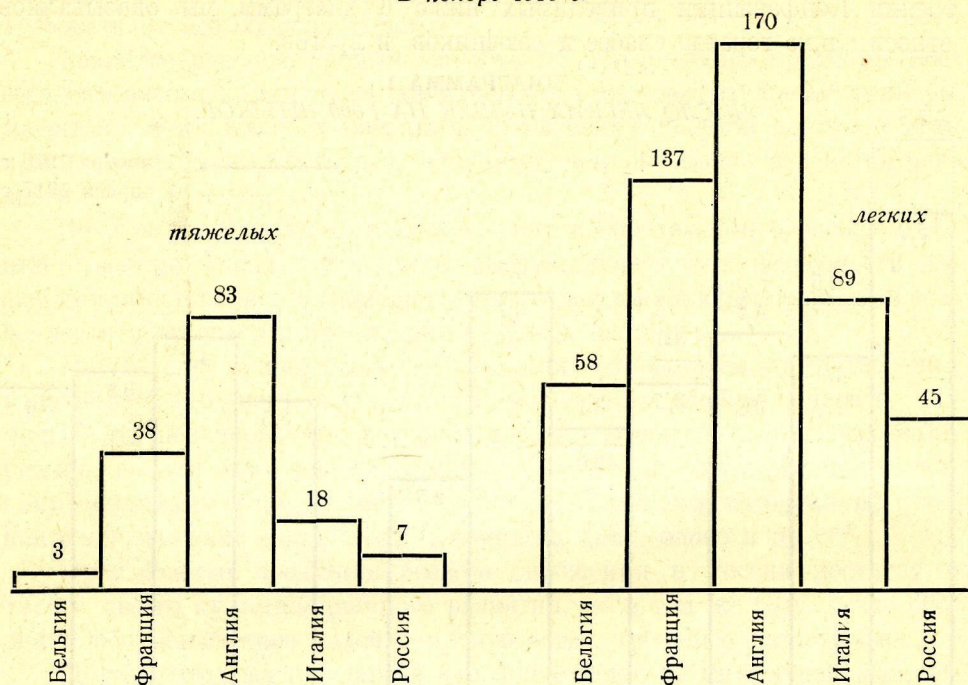

ДИАГРАММА 4.

ЗАПАС СНАРЯДОВ НА 1 000 ШТЫКОВ.
1 ноября 1919 г.

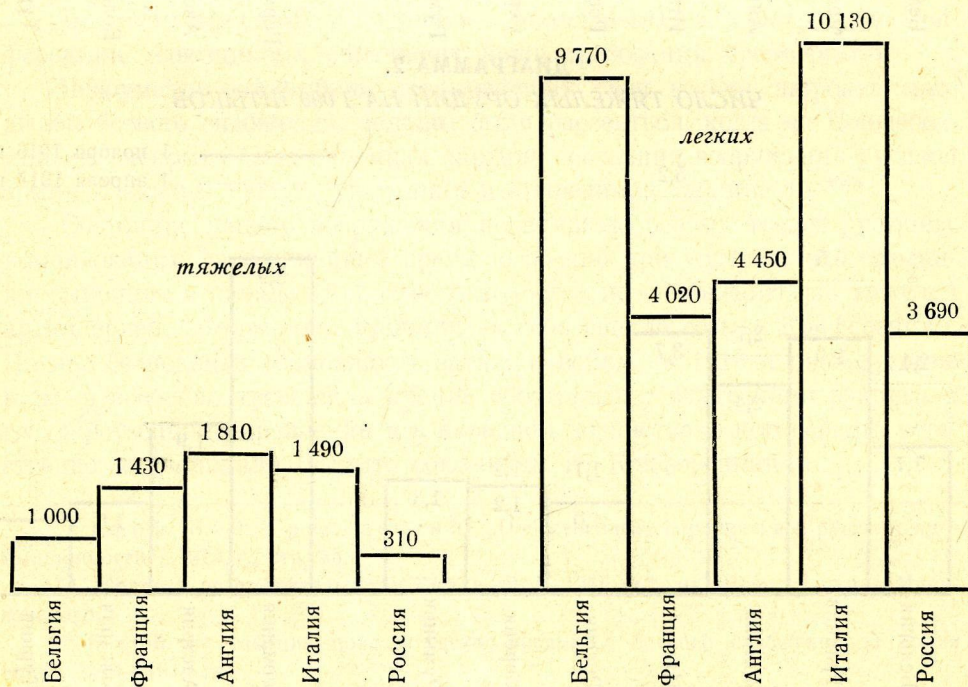
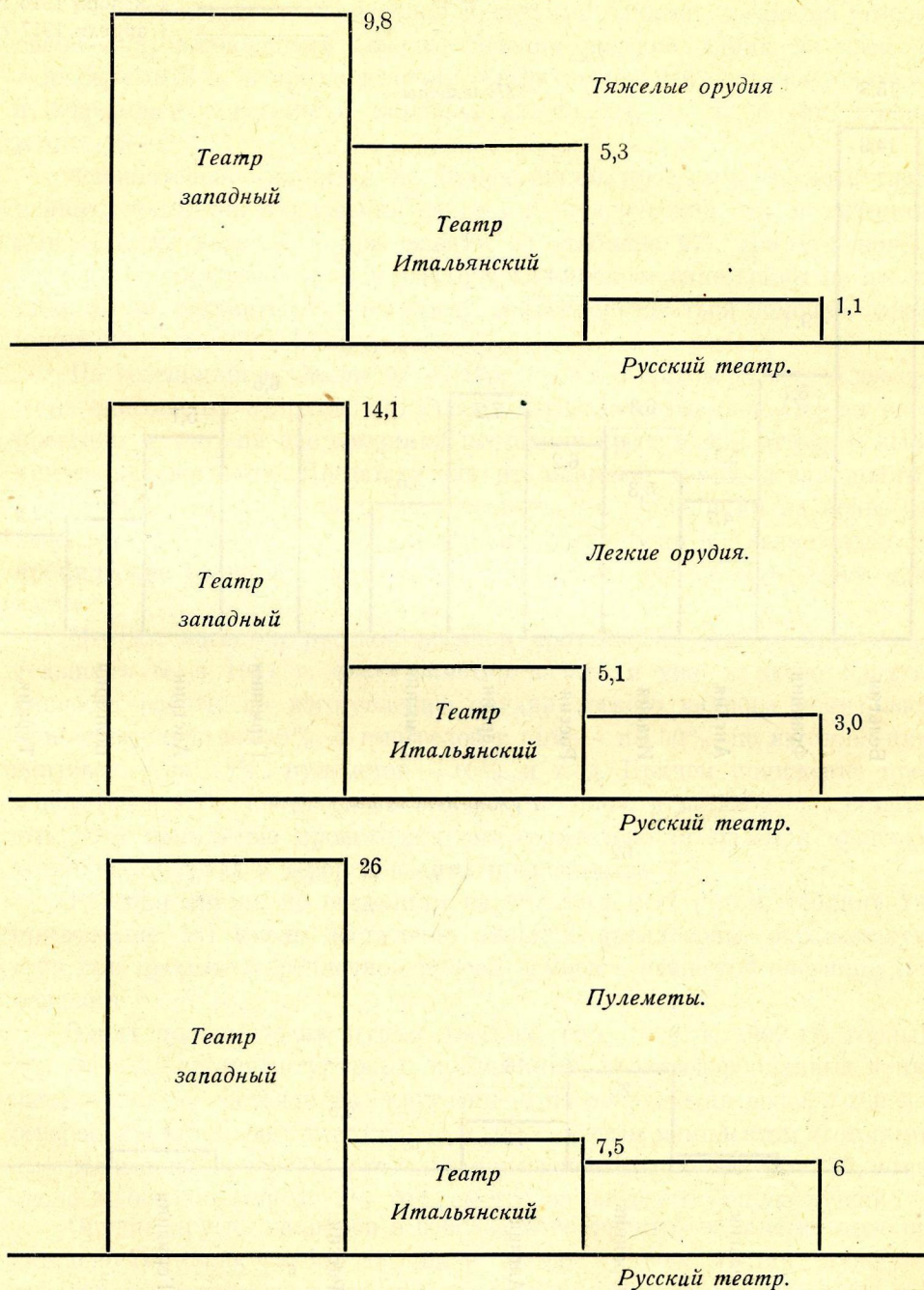

ДИАГРАММА 5.
ЧИСЛО ОРУДИЙ И ПУЛЕМЕТОВ НА 1 КИЛОМЕТР ФРОНТА.

В конце 1916 г.

Фронт западный — 650 км

» Итальянский — 250 км

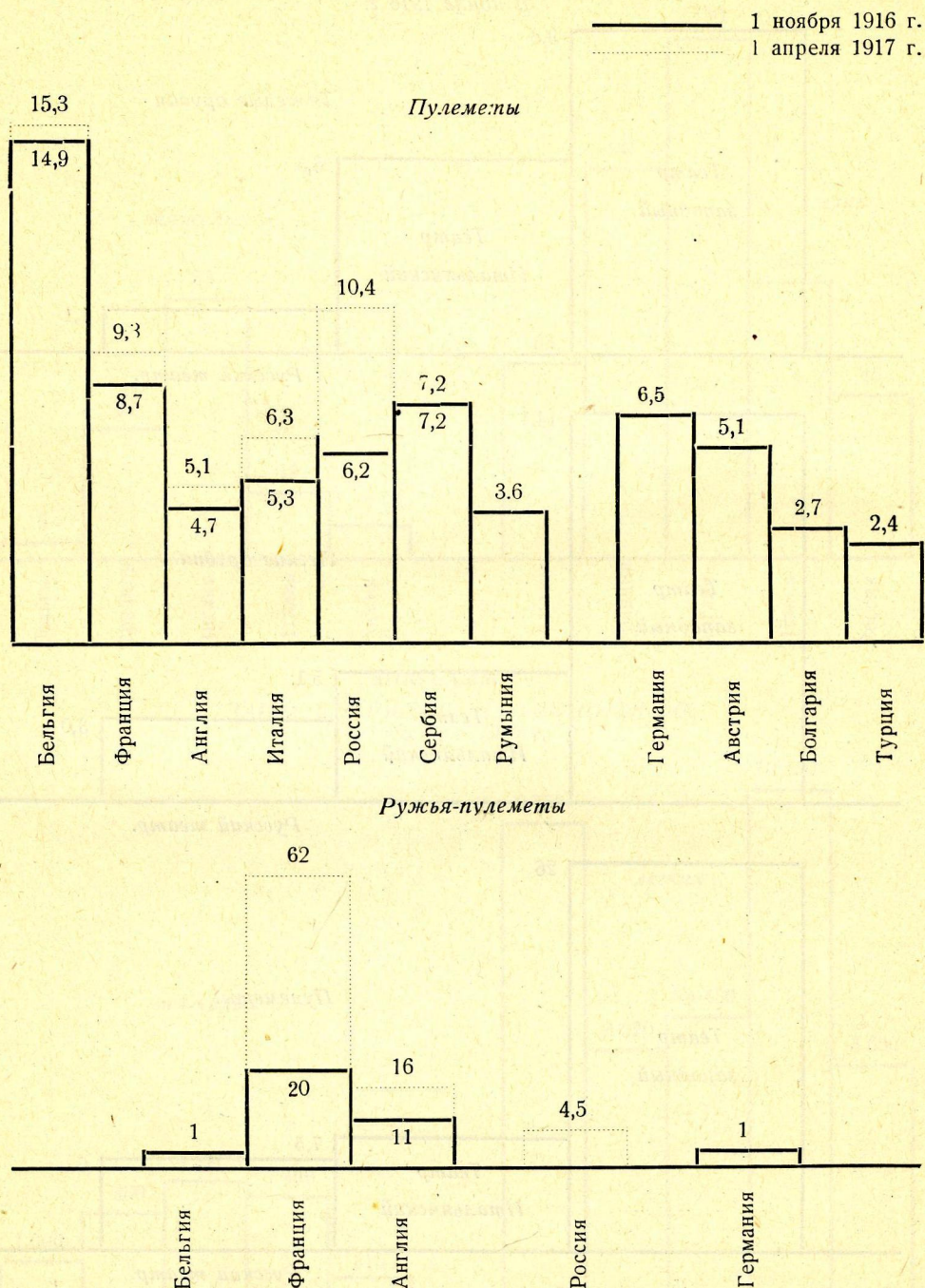
» восточный — 1800 км
(русский)

Кавказ, а также другие второстепенные фронты, не приняты во внимание.

ДИАГРАММА 6.

КОЛИЧЕСТВО ПУЛЕМЕТОВ И РУЖЕЙ-ПУЛЕМЕТОВ НА 1000 ШТЫКОВ.

Примечание. Число ручных пулеметов в германской армии на 1 апреля 1917 г. союзники, видимо, недоучли, так как ежемесячный выпуск таких пулеметов был в августе 1916 г. на каждую 1000 штыков 1,5, а с началом 1917 г. (начало приведения в исполнение программы Гинденбурга) по 4,2 пул., к середине же 1917 г. — до 8 пулеметов на 1000 штыков [Schwarte. Der grosse Krieg 1914-1918 III Teil s.].

Конференция обсудила наши потребности и, базируясь на опыте Западного (французского) фронта, установила ту степень помощи, которую наши союзники должны были оказать нам.

Первоначально предъявленная программа заказов предметов боевого снабжения, необходимых для обеспечения русской армии на срок до 1 января 1918 г., и предположения о выполнении этих заказов в России и за границей показаны в таблицах 22, 23, 24, 25 и 26 (см. приложения 19—23).

Окончательно принятая на Конференции программа заказов главнейших предметов вооружения на 1917 г. как русским, так и заграничным заводам указана в приложении 24 (таблице 27). Наступившие в 1917 г. события революции и фактическое прекращение войны не позволили ни осуществить эту программу, ни воспользоваться помощью союзников, обещанной на Конференции.

На совещании в Ставке 1(14) мая 1917 г. главковерх ген. Алексеев (быв. штаверх) заявлял, что Россия в глазах союзников «теряет свой престиж» и что «на нас союзники поставили крест и они от нас больше ничего не ожидают». Представитель итальянской армии давал понять, что «союзникам можно было бы сговориться с германцами на почве де-лежа русской территории». А представители Франции и Англии задавали иронические вопросы: «когда же русские будут способны что-либо сделать» *.

Что же касается русской военной промышленности, то производительность ее в 1917 г. стала заметно падать и уже к июню продуктивность работы по изготовлению орудий легкого калибра понизилась приблизительно на 30%, а выстрелов к ним — на 50%, по изготовлению винтовок — на 15%, пулеметов — 10% и т. д. Причем понижение производства в 50% ложилось на неподачу топлива и металла, а в остальных 50¾ понижение происходило исключительно от падения производительности труда и дезорганизации производства **.

Русская армия, по сведениям на 15 июня 1917 г. (см. таблицу 28, приложение 25) имела достаточно сильную артиллерию, оправдавшую себя при прорыве укрепленной полосы немцев в июньской операции Керенского.

Одних только 76-мм пушек (легких, обр. 1900 и 1902 гг., горных обр. 1909 г., противотанковых, траншейных, противоаэроплановых и пушек) Арисака) состояло, за округлением, на вооружении войск 7 200 и в резерве фронтов 2 600, всего около 9 800 с боевым комплектом (готовыми выстрелами ок. 24 000 000 и отдельными элементами 15 000 000) ***, всего около 39 000 000, или до 5½ тыс. выстрелов на действующую пушку.

Орудий других калибров в войсках и во фронтовых запасах приблизительно состояло: гаубиц 48-лин. и 45-лин. — 1300, 42-лин. пушек —

* Быв. В. Уч. Арх. Дело Ставки № 450.

** „Справка историческая по артиллерийской части“, из личного архива Маниковского.

*** За исключением гильз, коих не хватало на все это количество выстрелов.

500 (скоростр. и обр. 1877 г.), 6" пушек и гаубиц — 880, 8"—24, 11" — 16, 12" — 12, 120-мм французских — 70, прочих орудий — 1200. Всего же имелось до 14 000 орудий разных образцов и калибров *.

Постепенное усиление русской действующей армии тяжелой артиллерией показано в таблице 29 (см. приложение 26).

Армия выступила на войну, имея лишь 60 полевых тяжелых батарей с 76 скорострельными 42-лин. (107-мм) пушками и 164 полевыми 6" (152-мм) гаубицами; к концу 1915 г. она имела 173 батареи с 632 тяжелыми орудиями: значительное усиление произошло в 1916 г. и в первую половину 1917 г. К сентябрю 1917 г. числилось 391 батарея с 1.430 орудиями **, т.е. число тяжелых орудий в войсках действующей армии увеличилось в 6 раз.

Количество изготовленных орудий и прочих предметов боевого снабжения и подача их в армию, ничтожная в 1914 г. и в начале 1915 г., стала сильно возрастать по истечении первого года войны и достигла максимального увеличения в 1916 г. (см. таблицу 19 и диаграммы 7 и 8).

В 1916 г. подано было полевых легких орудий (пушек и гаубиц) до 7 800 и тяжелых орудий (только скорострельных новейшего образца пушек и гаубиц) до 440, тогда как в 1914 г. легких орудий подано было лишь 355, а тяжелых орудий вовсе не подавалось, в 1915 г. легких орудий подано было 2 381 и тяжелых — 103, т.е. подача орудий в 1916 г. в общем превышала подачу 1914 г. почти в 23 раза и подачу 1915 г. приблизительно в 3 раза. Изготовление орудий русскими заводами в 1917 г. значительно упало вследствие наступивших событий революции и фактического окончания войны (легких пушек и гаубиц изготовлено было в 1917 г. лишь около 4 000, т.е. почти вдвое меньше, чем в 1916 г.). Подача тяжелых орудий, наоборот, была наибольшей в 1917 г. (около 950 орудий, тогда как в 1916 г. их подано было почти вдвое меньше), что объясняется получением в 1917 г. значительного количества до 630 тяжелых орудий от бывших союзников России (однако, в этом числе были уступлены нам Францией и Англией орудия и устаревших образцов).

За время войны 1914—1917 гг. в армию подано было огромное количество предметов боевого снабжения, но и убыль тех же предметов была настолько велика (до 50—100% всего подаваемого в армию), что в результате рост вооружения русской армии был весьма незначительным. В 1914—1917 гг. подано было в армию около 14.500 легких и до 1.500 тяжелых скорострельных орудий, за то же время убыло около 11.600 легких *** и до 350 тяжелых орудий, количество же орудий в войсках и за-

* Сведения о числе орудий и винтовок, о количестве выстрелов на одно орудие (с возимыми запасами) и о числе патронов на винтовку, состоящих на фронте действующих армий к 15 сентября 1917 г., приведены в таблице 24 (см. приложение 22).

** Из них около 600 орудий были устаревших образцов, но все же достаточно пригодных для позиционной войны 1916—1917 гг.

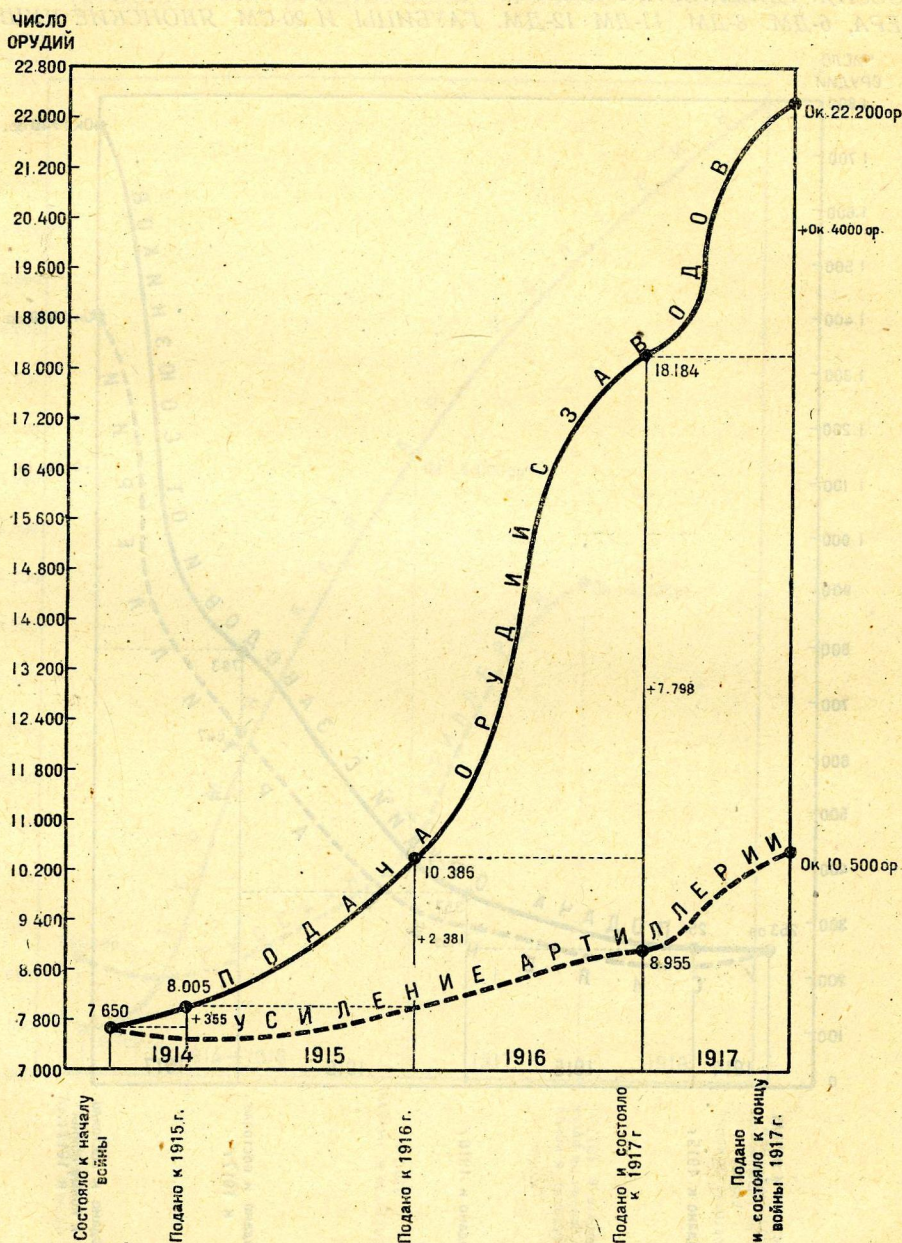
*** Столь большая убыль легких орудий объясняется не столько потерей их от неприятельских снарядов и от передачи неприятелю в неудачных для нас сражениях, заканчивавшихся иногда пленением целых корпусов и даже армий (гибель 2-й армии

пасах увеличилось — в легкой артиллерии к концу 1916 г. лишь на 17%, а к лету 1917 г. на 37%, в тяжелой артиллерии (считая орудия новых и

ДИАГРАММА 7.

РОССИЯ. ПОЛЕВАЯ ЛЕГКАЯ АРТИЛЛЕРИЯ: 3-ДМ. ЛЕГКИЕ И ГОРНЫЕ ПУШКИ, 45-ЛИН. И 48-ЛИН. ЛЕГКИЕ ГАУБИЦЫ.

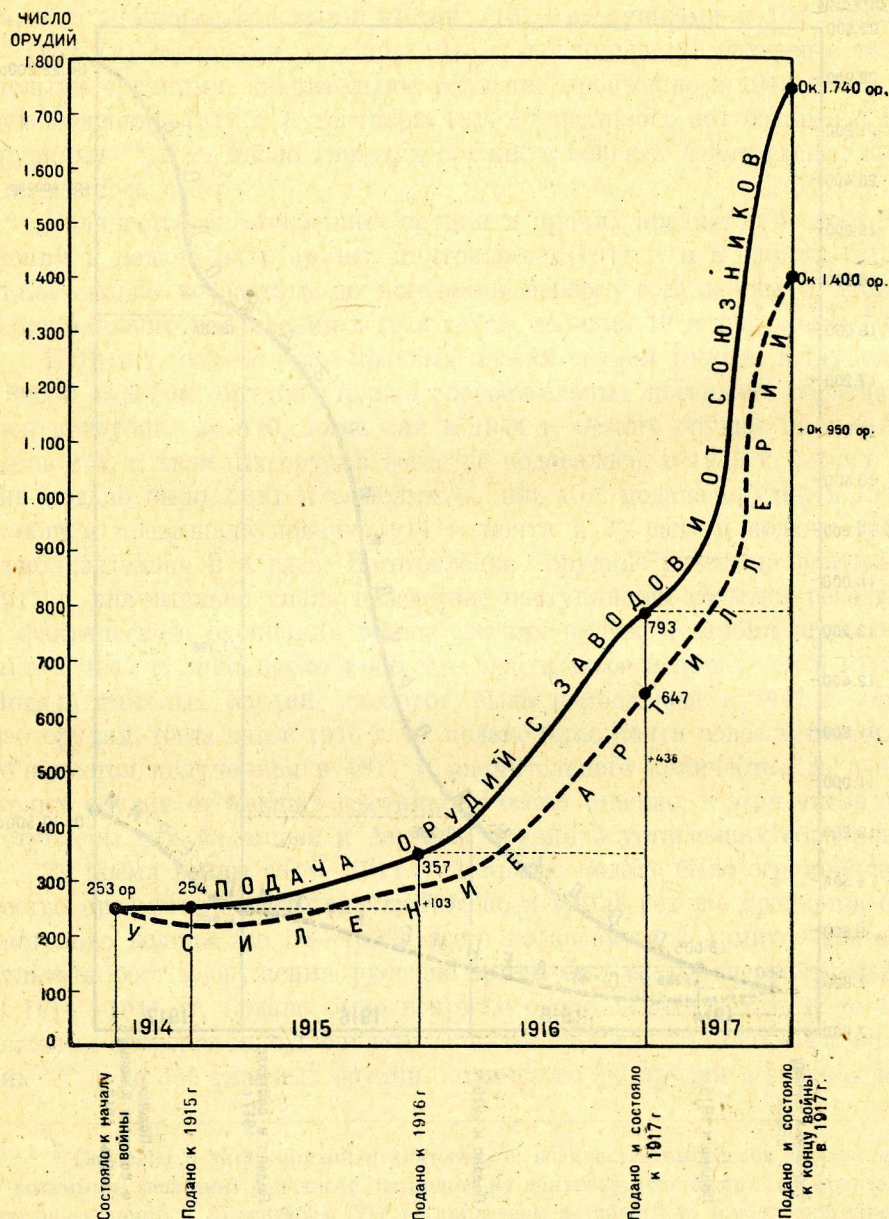
ген. Самсонова в августе 1914 г.), сколько порчей от собственной стрельбы (в особенности легких пушек, стволы которых изнашивались от быстрой стрельбы под высоким давлением) и отчасти от разрыва собственных снарядов в каналах орудий вследствие недоброкачественности взрывателей.

старых образцов) к концу 1916 г. почти в $4\frac{1}{2}$ раза, а к лету 1917 г. почти в 6 раз (см. диаграммы 7 и 8 и в приложениях таблицы 28, 29, 30).

ДИАГРАММА 8.

РОССИЯ. ТЯЖЕЛАЯ АРТИЛЛЕРИЯ: 42-ЛИН. И 6-ДМ ОСАДН. ПУШКИ ШНЕЙДЕРА, 6-ДМ. 8-ДМ. 11-ДМ 12-ДМ. ГАУБИЦЫ И 20-СМ ЯПОНСКИЕ ПУШКИ

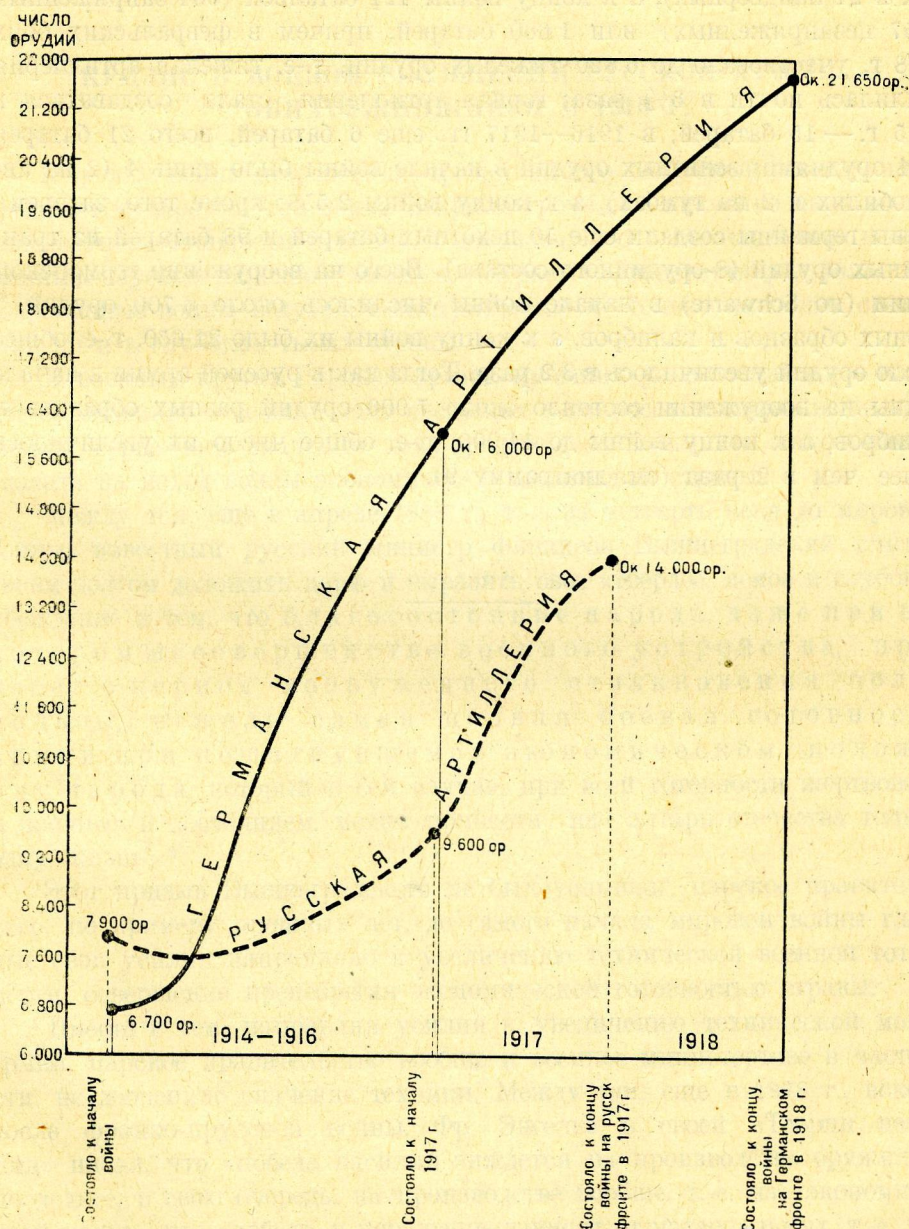
Усиление русской армии во время войны артиллерией по сравнению с армиями «союзников» и с германской армией можно считать весьма скромным.

В германской армии * при мобилизации в 1914 г. числилось полевых пушечных батарей 1 141, а к лету 1918 г. их было 2 800 (в том числе

ДИАГРАММА 9.

УСИЛЕНИЕ РУССКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ АРТИЛЛЕРИИ В МИРОВУЮ ВОЙНУ**
(ОБЩЕЕ ЧИСЛО ОРУДИЙ ВСЕХ ОБРАЗЦОВ И КАЛИБРОВ).

* Schwarte. Der grosse Krieg 1914—1918. VIII Band. Organisation in der Kriegsführung.

** Данные о германской артиллерии из труда Schwarte Der grobe Krieg 1914—1918 VIII. Band. Organisationen der Kriegsführung.

пушечных — 1 691 и гаубичных — 1 109) с 11 200 орудиями, т.е. за время войны выставлено вновь 1 659 батарей с 6 636 орудиями или количество полевой артиллерии возросло почти в $2\frac{1}{2}$ раза; в тяжелой артиллерии к началу войны числилось 50 батальонов с 576 орудиями, которые по мобилизации развернулись в 133 батальона (57 полевых, 52 резервных и 24 ландверных), а к концу войны 421 батальон (364 запряженных и 57 незапряженных) или 1 660 батарей, причем в февральских боях 1918 г. участвовало до 6 820 тяжелых орудий, т.е. тяжелая артиллерия усилилась почти в $3\frac{1}{2}$ раза; горная артиллерия стала создаваться в 1915 г. — 15 батарей, в 1916—1917 гг. еще 6 батарей, всего 21 батарея с 84 орудиями; зенитных орудий в начале войны было лишь 4 (2 на автомобилях и 2 на тумбах), а к концу войны 2 558; кроме того, за время войны германцы создали еще 50 пехотных батарей и 98 батарей из траншейных орудий (8-орудийного состава). Всего на вооружении германской армии (по Schwarte) в начале войны числилось около 6 700 орудий * разных образцов и калибров, а к концу войны их было 21 650, т.е. общее число орудий увеличилось в 3,2 раза. Тогда как в русской армии в начале войны на вооружении состояло около 7 900 орудий разных образцов и калибров, а к концу войны до 14 000, т.е. общее число их увеличилось менее чем в 2 раза (см. диаграмму 9).

* По данным 1913 г. русского генерального штаба 9 388 орудий, по сведениям 1917 г. штаба русского Западного фронта 8 012 орудий, а по французским источникам (Гаскуэн. Эволюция артиллерии во время мировой войны)—8 500 орудий. См. Е. Барсуков. Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении, стр. 114.

КРИЗИС В БОЕВОМ СНАБЖЕНИИ РУССКОЙ АРМИИ, ОБНАРУЖИВШИЙСЯ В 1916 Г.

Мировая война потребовала чрезвычайного напряжения всех сил и средств государства. Эта война вскрыла громадное значение народно-хозяйственной готовности к войне и доказала, что в столкновении вооруженных народов народное хозяйство играет первенствующую роль, что современные войны ведутся и выигрываются не только на полях сражений, но и в глубоких тылах страны.

В военных кругах царской армии, имевших узко-специальное военное образование и вообще мало сведущих в вопросах экономики, не придавали серьезного значения тому решающему влиянию, какое может оказать на исход войны экономическая подготовка страны.

Между тем, еще в апреле 1888 г., т.е. за четверть века до мировой войны, известный русский министр финансов Вышнеградский считал своим долгом доложить царю и выразить свое «твердое, ясное и глубокое убеждение в том, что благосостояние народа, даже при некотором несовершенстве военного устройства, принесет в период вооруженного столкновения более пользы, нежели самая полная боевая готовность армии при пошатнувшемся экономическом положении народа, который в сем случае, при всей готовности жертвовать и жизнью и достоянием, может принести на алтарь отечества только одну жизнь» *.

Этот призыв Вышнеградского не был услышан; царское правительство, по примеру прошлых лет, до самого начала мировой войны главные свои усилия направляло к увеличению технической военной готовности, совершенно пренебрегая экономической готовностью страны.

Вместе с тем, направляя усилия к увеличению технической мощи армии, царское правительство вообще и военное министерство в частности не доценило значение техники. Между тем, еще в 1878 г., вскоре после франко-прусской войны, Фр. Энгельс в своей «Теории насилия» писал, что «победа насилия зиждется на производстве оружия, а последнее, в свою очередь, на производстве вообще, т.е. на «экономической мощи», что «победа и поражение зависят от материальных, т.е. чи-

---

* С. Н. Прокопович, Война и народное хозяйство, изд. 2-е Совета Всероссийских кооперативных съездов, Москва 1918, стр. 4. Министерство финансов 1802—1902 г., ч. II, стр. 308.

сто экономических условий, от человеческого и ружейного материала, т. - е. от количества и качества населения и от уровня развития техники» *.

Напротив, русские исследователи военно-экономических вопросов довоенного времени И. С. Блиох **, ген. А. А. Гулевич *** и другие видели чуть ли не спасение России, в случае европейской войны, в ее экономической и культурной отсталости.

И. С. Блиох, например, не придавал большого значения даже вопросу снабжения армии боевыми припасами, а ген. Гулевич просто «не постигал действительного значения экономических сил страны для успешного ведения мировой войны» ****.

И только, когда разразилась мировая война, взгляды изменились.

С. Н. Прокопович в своей книге «Война и народное хозяйство» писал: «Несомненно, после войны вопросы экономики приобретут в русской жизни доминирующее значение. Война разорила наше народное хозяйство, а государственное хозяйство привела в состояние, граничащее с банкротством. Поэтому экономическая проблема после войны станет самой неотложной. Перед нею померкнут все остальные задачи нашей национальной жизни» *****.

Военный министр ген. Поливанов в заседании Государственной думы 19 июля 1915 г., т. - е. по прошествии года войны, признал, наконец, первенствующее значение за вопросом боевого снабжения. Он говорил: «Самая трудная и самая острая для продолжения войны задача — это снабжение армии техническими средствами, во главе коего стоит артиллерийское снабжение. В этом смысле, в смысле богатства артиллерийского снабжения, Германия обеспечила себе значительный перевес и над нашей армией и над армиями других наших союзников... Ее промышленность снабжала до войны своими произведениями весь мир, а во время войны все освободившиеся от прекращения вывоза станки заработали на армию. Перевес немцев более всего сказался в их тяжелой артиллерии, в количестве снарядов, пулеметов и винтовок... Если, как оказывается, победа или поражение зависят от количества металла, которое надо подвезти к полю сражения, то нам надо суметь и настоять на развитии и у нас тех видов промышленности, которые изготовляют предметы государственной обороны, а более всего тех ее отраслей, которые изготовляют предметы артиллерийского снабжения» *****.

* Фр. Энгельс, Анти-Дюринг, Теория насилия, стр. 149—154. Гиз. 1923 г.

** И. С. Блиох, Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях. изд. 1898 г.

*** А. А. Гулевич, Война и народное хозяйство. изд. 1898 г.

**** С. Н. Прокопович, Война и народное хозяйство, 1918 г. изд. 2, стр. 22.

***** Там же, стр. 149.

* * * Там же, стр. 12 и 13.

Это сознание и призыв военного министра являлись запоздалыми. Об этом нужно было серьезно думать и настойчиво проводить в жизнь за долго до начала войны, а не в 1915 г., когда наша армия осталась без снарядов.

Время было безнадежно упущено, общее расстройство в стране уже неудержимо прогрессировало, а потому и все усилия военного министерства и ГАУ не давали тех результатов, которые получились бы хотя бы год тому назад. Все это прекрасно видело и понимало Особое совещание по обороне; в 1916 г. оно уже не возлагало никаких надежд на свои «общественные организации», несостоятельность которых, особенно по части изготовления тяжелой артиллерии, была уже ясна всякому непредубежденному члену Совещания.

Тем не менее Совещание по обороне не упускало случая при каждом новом требовании из Ставки главковерха лицемерно скорбеть о нехватке тяжелых снарядов и пытаться сваливать вину в этом на ГАУ *.

После грандиозного опыта войны 1914—1918 гг. уже нет нужды доказывать, что экономическая мощь государства является основным фактором, обеспечивающим его способность к ведению войны, что успех войны зависит от общего состояния народного хозяйства, от степени развития производительных сил страны, от заблаговременно продуманной и умело подготовленной организации использования этих сил для нужд войны и проч.

В этом направлении теперь усиленно работают все государства; вопросами экономики войны в настоящее время заняты многие научные силы и у нас и за границей.

Наш современник, профессор военной академии РККА, А. А. Свечин в своей «Стратегии» говорит теперь: «Большая война представляет колоссальное экономическое предприятие, вовлекающее в свой водоворот громадное количество рабочей силы, сырья, промышленных изделий, транспортных средств и совершенно изменяющее всю обстановку мирового хозяйства» **.

Так думают теперь, но до мировой войны представители военно-научной мысли старой русской армии не только так не думали, но почти вовсе не интересовались вопросами военной экономики.

Не особенно задумывались над этими вопросами военные деятели даже и во время войны, за исключением весьма немногих, среди которых одним из первых являлся начальник ГАУ, А. А. Маниковский.

В Ставке главковерха об этом думали менее всего, по крайней мере до лета 1916 г.

Штаб главковерха всецело погрузился в свою оперативную работу и ставил только требования глубокому тылу о снабжении армии, совершенно не считаясь с реальными возможностями удовлетворения этих потребностей. А в случаях неудовлетворения недоуменно разводил руками

* В свою очередь, ГАУ старалось переложить вину на Ставку главковерха.

** А. Свечин, «Стратегия», стр. 108.

и... кровавые неудачи на фронте относил, главным образом, к недостаточности боевого снабжения.

В таком же состоянии почти полной изолированности от реальной действительности тыла протекала первое время работа артиллерийского органа Штаба главковерха — Упарта во главе с его начальником и полевым генерал-инспектором артиллерии.

Первый толчок, выведший Упарт из этого оцепенения, дал тот же начальник ГАУ А. А. Маниковский и вот по какому поводу.

В 1916 г. русское главное командование, отчасти под давлением союзников, задумало ряд наступательных операций.

Приходилось вести борьбу в условиях штурма сильно укрепленных позиций. Разрушение неприятельских окопов и блиндажей, имевших во многих местах бетонные постройки, потребовало наличия достаточного количества тяжелой артиллерии и бомб 122-мм, 152-мм и более крупных калибров. Но обеспечение тяжелой артиллерии снарядами, как неоднократно упоминалось, стояло у нас далеко не на должной высоте.

В начале мая 1916 г. на нашем Западном фронте боевых припасов для тяжелых орудий могло хватить лишь на несколько дней ведения интенсивного боя, с прорывом укрепленной полосы неприятеля. На Северном фронте имелись лишь незначительные, самые необходимые запасы. Наконец, на Юго-западном фронте за весенние бои 1916 г. было израсходовано все, что там было; туда экстренно было отправлено с Северного фронта, не без риска для него, 15 тыс. 152-мм и 10 тыс. 122-мм выстрелов; туда же исключительно высылались все вновь снаряжаемые в тылу тяжелые парки.

Принимая во внимание общее количество состоящих в армии 122-мм и 152-мм гаубиц, а также средний расход выстрелов, определившийся по опыту последних боевых операций на Юго-западном фронте, Упарт определил тогда ежемесячную потребность до 300 тыс. 122-мм и до 225 тысяч 152-мм выстрелов. Между тем, армия ежемесячно получала от ГАУ попрежнему 122-мм выстрелов 90—100 тысяч и 152-мм 30—40 тыс.

Многочисленные самые настойчивые просьбы об увеличении подачи выстрелов для тяжелой артиллерии, обращаемые штабс-капитаном и Упартом к военному министру и к начальнику ГАУ, не приводили к благоприятным результатам.

Наконец, в конце мая 1916 г. на Юго-западном фронте в армиях ген. Брусилова обнаружился крайний недостаток даже в 3-лин. винтовочных и пулеметных патронах, отчасти сковавший развитие нашего наступления. Необходимо было дать Юго-западному фронту одновременно 10—15 миллионов 3-лин. патронов. В распоряжение ген. Брусилова направлялись все выделяемые нашими заводами 3-лин. патроны, что составляло ежедневно лишь от 3½ до 4 миллионов. Запасы 3-лин. патронов на Северном и Западном фронтах были настолько малы, что выделить из них хотя бы 10 миллионов для Юго-западного фронта было рискованно.

В отношении прочих огнеприпасов наши армии не испытывали столь острой нужды, но подача их ГАУ была далеко ниже того количе-

ства, какое признавалось необходимым для полного развития наступательных операций на всех наших фронтах.

При таких условиях подрывались надежды на успех начатых нами боевых операций. В Ставке и на фронтах создавалось нервно-повышенное настроение. Требовались экстренные какие-то исключительные меры и полное напряжение всех усилий, чтобы обеспечить наши армии боевыми припасами.

Военный министр и начальник ГАУ сообщали, что ими все меры приняты и принимаются, но что они далеко не достигают необходимых результатов по независящим от них причинам, о которых они официально умалчивали.

30 мая 1916 г. с Юго-западного фронта получено было донесение само по себе второстепенного характера, что один из прибывших на фронт мортирных парков оказался почти непригодным, так как не имел положенного количества бомб, в которых была острая нужда в происходивших тогда боях.

Под впечатлением тревожной обстановки наштаверх ген. Алексеев доложил об этом царю и в результате телеграфировал военному министру, что царь приказал выразить ГАУ свое «крайнее неудовольствие, ввиду исключительной важности, интенсивности и правильности подачи боевых запасов в переживаемый период» *.

Предполагая, что телеграмма эта последовала по докладу начальника Упарта (который на самом деле о ней не был осведомлен), ген. Маниковский написал ген. Барсукову личное письмо с выражением претензий за телеграмму и с откровенным объяснением всего происходившего в глубоком тылу, свидетельствующего о том, что все крайне серьезные затруднения, встречаемые в деле боевого снабжения армии, лежали вне воли непосредственных работников **.

Затруднения эти заключались в следующем:

Транспорт. Не было ни одной области государственной или общественной жизни, где бы не ощущались серьезные потрясения из-за неудовлетворительности и расстройства транспорта.

Для заводов, работающих на оборону, транспорт предоставлялся с исключительным предпочтением и в несомненный ущерб всему остальному. Тем не менее даже особо покровительствуемым заводам не доставлялось все необходимое им количество топлива, металлов, предметов оборудования и проч., что давно было ими заказано и изготовлено, но лежало в ожидании вывоза: то «нет вагонов, то дают вагоны», но «нет

* Телеграмма 30 мая 1916 г. ген. Алексеева № 770 (см. приложение 27). Личный архив А. А. Маниковского.

** Письмо это начиналось с упреков в том, что начальник Упарта и „все сидящие в Ставке“ ничего не знают и не понимают в делах ГАУ по артснабжению и даже слышать не хотят о том, что происходит в глубоком тылу. „Так, слушайте же“, — писал Маниковский Барсукову, и затем в ярких красках он обрисовал угрожающее положение, в котором тогда уже находилась Россия в ее глубоком тылу. Письмо это было передано в дела Упарта, но среди них в В.-И. Архиве оно пока не розыскано.

направления», то «нехватает пропускной способности данного участка пути» и т. д.

На производительность казенных артиллерийских заводов и Путиловского завода имевшихся запасов топлива и металлов могло хватить лишь на несколько дней.

Луганский патронный завод не мог получить минимальное хотя бы количество нефти, купленной, готовой и ожидающей очереди отправки из Баку. Ген. Маниковский тщетно добивался предотвратить остановку этого патронного завода.

Обуховский казенный завод морского ведомства также крайне нуждался в подвозе топлива и металлов.

Что же касается частных заводов, то в отношении получения топлива и материалов они были поставлены в несравненно худшие, прямо критические условия.

В среднем, работавшие на оборону заводы удовлетворялись транспортом лишь на 50—60% своей потребности, а для Петроградского заводского района вместо необходимых 18½ миллионов пудов разного груза, по заявлению министра путей сообщения, возможно было подвезти лишь около 8 миллионов пудов.

При таких условиях не только немыслимо было увеличение производительности заводов, но приходилось сокращать работу*.

Металлы. К весне 1916 г. ясно обозначился «металлический голод» на мировом рынке.

Все без исключения работающие на оборону заводы испытывали тогда большую нужду в металле, которого нехватало даже на текущую потребность.

Кроме общих причин недостатка металлов на мировом рынке и исключительной трудности доставки металла в Россию через Архангельск, наступивший кризис объяснялся неналаженностью добычи металла в России. В России неисчерпаемые богатства руды, угля и флюсов. Но вместо широкого развития добычи столь необходимых металлов, в начале 1916 г. в одном Донецком районе было уже потушено 17 домен из 62 и из-за того, что не могли получить несколько тысяч рабочих рук и своевременно подвезти достаточное количество угля, руды и флюсов, находившихся в том же районе.

По заявлению министра торговли и промышленности, работающая на оборону промышленность могла в то время получить лишь около 50% всего необходимого ей металла.

По сообщению ген. Маниковского, Ижевский оружейный и патронный заводы «дорабатывали последние фунты инструментальной стали»,

* О расходе топлива в Европейской России в 1916 г., о «металлической нищете» России и о ее ж.-д. транспорте, см.: труд проф. В. И. Гриневецкого *Послевоенные перспективы русской промышленности*, изд. 1919 г., стр. 84—101, 105—137.

Кроме того, см. С. Н. Ванков, «О состоянии нашей металлообрабатывающей промышленности к началу войны 1914 г. и во время войны. Научно-технический вестник. № 6. 1921 г.

а капсюльные заводы не могли получить необходимого металла для изготовления капсюлей к 3-лин. патронам.

При таком угрожающем, почти трагическом положении по части металла нельзя было рассчитывать ни на какое увеличение подачи снарядов и патронов.

Вопрос о металле очень озабочивал и Особое совещание по обороне и Совет министров. Вопрос этот был выделен в особый «Металлический комитет» ген. Мышлаевского. На этот комитет возложены были заботы о заводе, учете и распределении металлов между заводами. Предполагалось, что «Металлический комитет» несколько упорядочит дело, но в условиях военного времени комитет, как коллегиальное учреждение, не мог принести существенной пользы в ближайшее время.

Ни военный министр, ни начальник ГАУ не возлагали «особых надежд на благополучное разрешение вопроса о металле».

Рабочие. Заводское оборудование. Заводы, работавшие на оборону, переживали тяжелый кризис с рабочими в мае 1916 г. Забастовочное движение непрерывно росло; в широкие массы рабочих и даже крестьян проникало сознание бесцельности и преступности войны, затеянной ради чуждых им интересов буржуазии — промышленников и капиталистов; пропаганда революционных идей широко распространялась на столь благодарной почве, как переживаемые ужасы войны и ее последствий, дающих себя знать: необеспеченность рабочих предметами пропитания и дороговизна предметов первой необходимости непрерывно прогрессировали.

Число рабочих все уменьшалось. Со стороны остающихся на производстве росли все повышающиеся требования, которых нельзя было выполнить. Возникшие и не прекращающиеся забастовки рабочих стали угрожать не только дальнейшему развитию производства, но и полной приостановкой заводов.

Военный министр считал надежным средством против забастовок милитаризацию заводов, работающих на оборону, и прикрепление к ним рабочих. Начальник ГАУ находил нужным устранить «основную причину недовольства рабочих — обеспечить их дешевым пропитанием». Между тем, недостаток и дороговизна продовольствия являлись одним из поводов недовольства, а главная причина таилась гораздо глубже — в недовольстве войной и существовавшим государственным строем.

На заводах ощущался большой недостаток в военных инженерах и в артиллерийских техниках, так как многие лучшие из них были командированы в Англию, Америку, Францию и Японию. Нехватало также опытных квалифицированных мастеров и рабочих, ввиду призыва их в ряды армии, откуда большинство из них не возвращалось на заводы.

Наконец, замечаемое на заводах переутомление технического персонала и рабочих также весьма неблагоприятно отражалось на производительности заводов.

Заводское оборудование и станки, работавшие по большей части десятки лет до войны, были так перегружены и изработаны непосильной работой, что на некоторых заводах, как, например, на одном частном па-

гронном заводе пришлось их на некоторое время остановить для ремонта, вследствие чего подача 3-лин. патронов в июне 1916 г. сбавилась еще на 5—6 миллионов против майской подачи.

Заграничные заказы и валюта. Многочисленные, многомиллионные заказы на предметы артснабжения, данные заграничным заводам, в значительной мере ими не выполнялись. Кроме того, встретились серьезные затруднения с транспортом: запоздалая навигация в Белом море сильно задержала прибытие в Архангельск наших заграничных заказов, а часть из них погибла в море на минах.

Значительное опоздание русских заводов в изготовлении тяжелых снарядов объяснялось неполучением ими необходимого заводского оборудования и крупных прессов, заказанных за границей.

Усилить наши заказы за границей было крайне трудно за недостатком валюты (впрочем, усиление заказов за границей не имело большого смысла, так как и данные заказы выполнялись неаккуратно). По донесению нашего представителя в Англии ген. Гермониуса, все наши главные заказы не могли быть размещены за границей из-за отсутствия кредита; не были размещены заказы, необходимые для усиления выхода взрывателей и крупных снарядов, даже для казенных наших заводов.

При таких условиях необходимо было все усилия направить к развитию промышленной деятельности внутри России, не возлагая особых надежд на союзников.

В этом отношении, как мы видели, многие меры были приняты. Производительность казенных заводов сильно повысилась и предполагалось, что она еще повысится с получением из заграницы заказанного дополнительного оборудования. ГАУ строило 15 новых заводов, часть которых должна была вступить в производство в 1916 г.

Но, разумеется, ни дополнительное техническое оборудование, ни постройка новых заводов не могли помочь, если нехватало топлива, металла и рабочих, если не было желания работать ради продолжения ненавистой империалистической войны.

Отсутствие твердой власти. А. А. Маниковский в своем письме к начальнику Упарта обрисовал царившее в тылу многовластие или, вернее, безвластие и тот хаотический беспорядок по части артснабжения, который был внесен вмешательством в дела снабжения общественных деятелей, представителей промышленности и законодательных учреждений, а также Особого совещания по обороне, с которыми сам он «изо всех сил боролся».

В заключении своего письма А. А. Маниковский советовал принять особые меры к восстановлению в тылу единой твердой власти.

Письмо А. А. Маниковского было прочитано полевым генерал-инспектором и штабс-капитаном ген. Алексеевым; по указанию последнего была составлена неоднократно упоминаемая в этом труде записка, поданная царю ген. Алексеевым 15(28) июня 1916 г. (см. приложение 29-е) *.

* Копия записки в личном архиве А. А. Маниковского. Подлинная—в личных бумагах Николая II См. статьи В. П. Семенникова Монархия перед крушением 1914—1917, ГИЗ 1927, стр. 259—266.

В записке указывалось, что совокупность всех перечисленных главнейших причин, парализующих увеличение производительности наших заводов и угрожающих каждую минуту полной остановкой их деятельности, не давала надежды не только на увеличение подачи огнеприпасов в армию в ближайшем будущем, но и грозила вообще всей нашей промышленности, работающей на оборону.

Во избежание надвигающегося кризиса, могущего повлечь за собою непоправимые бедствия для русской армии и государства, запиской проектировалось принять, без малейшего промедления, ряд исключительных мер, которые могли бы обеспечить свободу наших боевых операций, имеющих решающее значение, а именно:

1. Во всех внутренних областях государства, составляющих в целом глубокий тыл, работающий на армию, власть объединить в руках одного полномочного лица — «верховного министра государственной обороны».

Верховному министру предоставить чрезвычайную власть для объединения, руководства и направления единой волей деятельности всех министерств, государственных и общественных учреждений, находящихся вне пределов театра военных действий. Повеления его должны были исполняться, как повеления самого царя. Подчиняясь исключительно и непосредственно только царю, он мог избирать и утверждать своею властью своих сотрудников из лиц, заявивших себя высокополезною деятельностью для государства за время войны.

2. Привести в порядок ж.-д. транспорт внутри России и, прежде всего, минуя всякие препятствия, организовать подвоз топлива, материалов и продовольствия для рабочих на заводы, работающие на оборону.

3. Организовать в самых широких размерах добычу угля и другого топлива, а также металлов; в первую очередь восстановить и широко развить добычу угля и производство металлов в Донецком районе.

4. Разработать и безотлагательно провести в жизнь милитаризацию заводов, работающих на оборону.

5. Немедленно организовать на тех же заводах запасы продовольствия и предметов первой необходимости для отпуска по дешевым ценам заводским рабочим и служащим.

6. Сократить изготовление бомбометов, ручных гранат и прочих вспомогательных средств борьбы, имеющих второстепенное для армии значение, чтобы освободить рабочие руки, станки, двигатели и металл для изготовления боевых припасов и других главнейших предметов вооружения.

7. Широко применять на заводах, работающих на оборону, а также на шахтах и рудниках для добывания топлива и металла, труд народностей, не несущих воинской повинности, а также труд восточных народов: китайцев, японцев, персиян и проч.

8. Призванных на военную службу лиц с высшим техническим образованием вернуть к службе на заводах, рудниках и шахтах, работающих на оборону. Туда же вернуть из армии мастеровых-специалистов,

по удостоверению в необходимости их возврата. Впредь всех подобных лиц призывать на военную службу лишь с согласия верховного министра обороны.

Записка ген. Алексеева рассматривалась в Совете министров, собранном (насколько это было известно) в Ставке под председательством самого царя. Большинство министров отрицало то близкое к катастрофе состояние государства, о каком говорилось в записке.

Николай II утвердил постановление Совета министров, состоявшееся 1 июля 1916 г. «о возложении на председателя Совета министров объединения мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла», т. е. возложил проектируемые запиской ген. Алексеева права и обязанности верховного министра обороны на председателя Совета министров Штюрмера, под управлением которого государственная машина царской России быстро покатила к окончательной гибели.

Таким образом попытка ген. Алексеева улучшить положение в тылу путем установления твердой единой власти верховного министра государственной обороны имела отрицательные последствия не только для боевого снабжения, но и для всего государства.

Через несколько месяцев после представления царю записки ген. Алексеевым хозяйственная разруха всей страны приняла катастрофический характер.

Экономическое положение России накануне Февральской революции М. Н. Покровский характеризует следующими словами: «Нет ни хлеба, ни топлива, ни железа, ни угля, ни вагонов, ни паровозов. Нет и не будет в ближайшее время» *.

* „Красный архив“ № 10, стр. 67. Предисловие М. Н. Покровского к записке Родзянко.